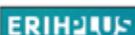

Сафиулина Р. М. Восточные философские системы и творчество Айрис Мёрдок (на примере романа «Черный принц») / Р. М. Сафиулина // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 251—261. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-251-261.

Safiulina, R. M. (2020). Oriental Philosophical Systems and Work of Iris Murdoch (on the Example of the Novel “The Black Prince”). *Nauchnyi dialog*, 2: 251-261. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-251-261. (In Russ.).

УДК 821.111Murdoch.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-251-261

ВОСТОЧНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ СИСТЕМЫ И ТВОРЧЕСТВО АЙРИС МЁРДОК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»)

© Сафиулина Рано Мирзахановна (2020), orcid.org/0000-0003-3128-6999, SPIN 8208-6471, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и литература», Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва, Россия), ravnovi@mail.ru.

Предметом изучения является своеобразие художественного видения А. Мёрдок, заключающееся во включении в ткань художественного текста, столкновении и переплетении положений самых разных философских систем (экзистенциализма, марксизма, фрейдизма, неокатолицизма, прагматизма). Главное внимание уделяется инкорпорированию в творчество писательницы восточных философских систем (дзен-буддизм, суфизм). На примере романа «Черный принц» А. Мёрдок показано сложное переплетение истории жизни героев произведения с философскими размышлениями автора о законах мироздания, мировом жизнеустройстве, боге, человеке. Приводятся определения дзен-буддизма, суфизма, суфийского Пути, а также классификация «стоянок на Пути ко Всевышнему». Представлены результаты сопоставительного анализа романа А. Мёрдок «Черный принц» и трактата «Мантик ат-тайр» суфийского автора Ф. Атгара. Доказано, что дзен-буддизм и суфизм имплицированы в текст романа «Черный принц» для создания эффекта полифонии мнений, голосов как многомерности бытия, многозначности и недостаточности одной интерпретации поступков человека, как и любого явления в бытии. Выдвигается предположение о близости романа «Черный принц» А. Мёрдок с теорией Нассима Талеба «Черный лебедь».

Ключевые слова: А. Мёрдок; «Черный принц»; платонизм; дзен-буддизм; суфизм; Атгар; «Мантик ат-тайр»; теория «черный лебедь».

1. Философские истоки творчества Айрис Мёрдок

2019 год ознаменовался столетним юбилеем выдающейся английской писательницы Айрис Мёрдок (1919—1999). Перу Мёрдок принадлежит 26 романов, множество статей, философских трактатов. Будучи преподавателем философии в Оксфордском университете, писательница словно переносила читаемые ею лекции на страницы своих литературных про-

изведений. Романы Мёрдок представляют собой сложное переплетение историй жизней героев с философскими размышлениями о законах мироздания, мировом жизнеустройстве, боге, человеке. Любимым философом Мёрдок был Платон. Идеи двоемирия, добра, высшие ценности, лежащие в основе мироустройства Платона, пронизывают всё творчество английской писательницы, определяя ее уникальный философский стиль. «Он складывается, прежде всего, из базовых философских категорий экзистенциализма и платонизма, которые, наряду с разрабатываемой автором специфической концепцией искусства, составляют ядро моральной философии Мёрдок» [Тимонина, 2016, с. 45]. Впервые термин *моральная философия* применительно к творчеству писательницы ввел П. Конради [Conradi, 1986, с. 14]. Мёрдок близко неприятие Платоном «...иррациональной эмоциональной силы искусства, способности рассказывать привлекательную ложь и опасную правду» [Мёрдок, 2019а, с. 273].

Таким же сложным в философском смысле является и роман «Черный принц» (1972). Дискурсная архитектура романа позволила Мёрдок раскрыть трагедию главного героя в разных интерпретациях. Во все образы романа, явления, предметы, детали вкладываются сложные философские, психологические, морально-этические смыслы. Они не возводятся автором в категорию символов, скорее, это обозначение хаоса, бытия как мира случайностей, фатальной безысходности. А. Мёрдок непредсказуемым сюжетом своего романа «Черный принц» словно предопределяет появление теории «Черный лебедь» Нассима Талеба (2007), в которой «черный лебедь» означает неожиданное, непрогнозируемое событие, которое круто меняет жизнь человека, общества, природы, истории в целом [Талеб, 2018, с. 3—4].

Эти точки зрения обрамляют ядро романа: в судьбу писателя, готовящегося создать свое самое главное, гениальное произведение, вторгается любовь, озарившая его жизнь, придавшая высший смысл существованию героя (поэтому второе название романа «Праздник любви»). Но неожиданно простая, заурядная закопченная кочерга, лежавшая у камина, сделал круг над головой героев, свершила свое черное дело, и «праздник любви» завершился поражением: *Without the black and partly destructive Eros, however, Bradley would never have arrived at this point. Eros is necessary to Bradley's quest. In such ways the novel refuses to be a simple and hygienic conte morale or tract* [Milligan, 2010, с. 181]. (Без Черного и часто деструктивного Эроса, на этот раз — духа разрушения, Брэдли Пирсон никогда бы не пришел к своему трагическому финалу. Черный Эрос Платона нужен для понимания загадки Брэдли как человека и писателя. Таким образом, ро-

ман отказывается быть простым и банальным текстом с морализаторским смыслом. — здесь и далее при отсутствии ссылки перевод наш. — *P. C.*) Мёрдок протестует против мироустройства, в котором смерть человека становится лишь поводом для сенсаций и рекламы магазина мужского и женского белья.

Д. Джонсон отмечает беспощадность событий, описанных в романе и выступающих предметом размышлений: *«The Black Prince» is in many ways a violent novel: it deals with sorry deeds; with a virtual rape presented as an act of passionate love, with the enactment through murder of buried jealousy and resentment in marriage* [Джонсон, 1987, с. 38] («Черный принц» во многих отношениях является жестоким романом: текст романа наполнен жестоким насилием и анализом этих поступков, объясняющих эту жестокость; нереализованными сексуальными фантазиями; накопленными подспудно в браке ревностью и обидами, в результате приведших к убийству).

Поэтому писательница мечтает о мире любимого Шекспира, «... где все преграды сметает любовь, а нелепицы безобидны и вызывают здоровый смех. Но Мёрдок безжалостно возвращает нас на землю, в современный роман, в котором, как и в нашем реальном мире, нет уже места пасторальным пастушкам и ожившим статуям» [Зелезинская, 2013, с. 273].

2. Идеи дзен-буддизма в романе А. Мёрдок «Черный принц»

Произведение Мёрдок — одно из самых обсуждаемых в современном литературоведении. Однако, несмотря на огромное количество критических работ, исследователи прошли мимо темы инкорпорирования в это произведение английской писательницы восточных философских систем: дзен-буддизма, суфизма. Данная статья преследует цель раскрыть многополярную философскую основу романа Мёрдок, показать, как в его концептуально-образной структуре функционируют интертексты, моделированные восточными философскими системами дзен-буддизма и суфизма.

Сложная философская система романа построена на антитезе. Жизнь героев романа, обычных английских интеллектуалов в возрасте от 40 до 50 лет, трактуется посредством идей и практики прагматизма, фрейдизма, марксизма. Преображение Пирсона через любовь, открытие им высшего смысла бытия передается Мёрдок через идеи дзен-буддизма и суфизма. Т. Миллиган констатирует причины симпатии писательницы к буддизму: «Christianity may be seen as promoting a certain, unwelcome, kind of suffering and guilt (and this is how Murdoch sees it), Buddhism, instead, is about overcoming suffering» [Milligan, 2010, с. 181] («Христианство можно рассматривать как поощрение страдания и вины (и именно так это понимает

Мёрдок), а буддизм — это преодоление страданий»). При этом Мёрдок, по мнению Т. Миллигана, не отдает свои симпатии определенной религии, она берет из разных религий то, что созвучно и ближе ее «моральной философии».

Практики буддизма и суфизма привлекательны для Мёрдок, так как они близки идеям Платона: «Солнце можно увидеть лишь в конце долгого поиска, подразумевающего переориентацию (узники должны обернуться) и восхождение» [Мёрдок, 2008, с. 124].

Интерес к буддизму, дзен-буддизму и суфизму был вызван в западном обществе второй половины XX века духовным кризисом, который стал следствием потребительского существования человека. «Пациенты жалуются на депрессию, бессонницу, недовольство своей работой. Общим страданием является отчужденность от себя, от других людей, от природы; чувство, что жизнь утекает из рук, подобно песку, что человек умрет, не живя, что среди изобилия человек ведет безрадостную жизнь» [Фромм, 2018, с. 144]. Поэтому, считает Э. Фромм, восточная религиозная мысль стала актуальной на Западе. Человек, согласно учению дзен-буддизма, должен вернуться к своему началу, стать «пустым», то есть полностью живым, что значит открытым, восприимчивым к людям и природе. Н. И. Конрад отмечает, что для дзен-буддистов важен «труд духовный, выражающийся не во внешних действиях, а во внутренней работе над собой, которая приводит к обретению “пустого сердца”, то есть к достижению такого состояния духа, которое было бы свободно от всего житейского, что обычно заполняет сознание человека» [Конрад, 1980, с. 119]. Идеалом такого «пустого» состояния является ребенок.

Первую встречу Пирсона и Джулиан, начало их любви Мёрдок описывает в стиле дзен-буддизма. Пирсон увидел девушку, похожую на мальчика, на краю тротуара, где она раскидывала цветы на мостовую: *Поначалу мне подумалось, что это приверженец какой-нибудь индуистской секты, которых в Лондоне более чем достаточно, совершающий свой религиозный ритуал* [Мёрдок, 2019б, с. 62]. Сцена напоминает осыпание лепестков сакуры в Японии, символа мимолетности красоты и жизни: *Хрупкая белизна лепестков взметывалась, увлекаемая автомобилем, ныряла под колеса, завивалась вихрем вслед и рассеивалась, обращаясь в ничто, и это было похоже на жертвоприношение или убийство, ибо бросаемое сразу же поглощалось и исчезало* [Там же].

Не без влияния «Лолиты» В. В. Набокова Мёрдок рисует портрет юной возлюбленной героя романа. При описании Джулиан акцент делается на ее детскости, чистоте, открытости миру: *Лицо оказалось очень юным, почти*

детским и по-детски сосредоточенно-серьезным [Там же, с. 246]. Глядя на нее, Пирсон приходит к мысли: *Что я сейчас делал? И зачем? Жизнь человека должна быть простой и открытой* [Там же].

Любовь заставляет влюбленных заново открыть для себя мир, красоту простоты, естественности: *Это был идеальный союз, покой и радость, которые нисходят на нас, когда любимая и твоя собственная душа так сливаются с окружающим миром, что в кои-то веки раз планета Земля оказывается местом, где камни, и прозрачная вода, и тихий вздох ветра обретают реальное бытие* [Там же, с. 364].

После завтрака в своем домике Пирсон и Джулиан собирают на ограждении камина дзен-буддийский «сухой сад»: *Квадратный кусочек дерева с китайскими иероглифами она поставила, как икону, на камин в нашей маленькой гостиной, по одну сторону от него расположился овечий череп, по другую — золоченая табакерка, а на подоконниках среди обломков серых, отшлифованных морем корней, она разложила камни — маленькие современные скульптуры* [Там же]. Китайский иероглиф, означающий по-японски дзен и по-китайски чань, выражает смысл ‘созерцание’ — одно из важнейших понятий буддизма. Сухой ландшафт (карэ сансуй), созданный с помощью камней разной величины и формы, гальки и песка, в дзен-буддизме интерпретируется как символическая картина мира. «Нагромождение камней и символов напоминает нам о тщете земной жизни человека, о напрасно рождающихся и разбивающихся желаниях, о трудности постижения всё обобщающего и всё уничтожающего закона» [Человек и мир ..., 1985, с. 176].

Любовь Пирсона трактуется писательницей как «возвращение к самому себе». Эта идея центральная для христианства, буддизма, дзен-буддизма и суфизма. В христианстве метафизическая идея «возвращения к самому себе» вербализована в главной христианской молитве — Иисусовой молитве (*Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня (мя) грешнаго / грешную*). Каждое новое повторение молитвенной формулой и есть не что иное, как «возвращение к самому себе». В образной форме эта идея воплощена в знаменитой Притче о блудном сыне Иисуса Христа в 15-й главе Евангелия от Луки. Поддавшись земному искушению, сыны божии покидают свой истинный дом, небесное жилище, но тоска по нему, надежда на возвращение сопровождают их на протяжении всего земного существования и приводят в конце жизни назад, к Богу.

В рамках дзен-буддийского контекста эта идея функционирует как пробуждение от сна и как возвращение к истинному я после бесполезных блужданий по жизни. Слово *Будда* происходит от санскритского слова

будх ('будить, пробуждаться'). Согласно буддизму, жизнь человека есть сон, а пробуждение — озарение. Именно это состояние открывает человеку Истину и возвращает его к первичному единению с абсолютом.

3. Суфийские мотивы в романе «Черный принц» А. Мёрдок

Наряду с дзен-буддийскими мотивами А. Мёрдок мастерски имплицитно в тексте романа «Черный принц» суфийские идеи. Суфизм, своими корнями уходящий в платонизм, — это мистическое, религиозно-философское мировоззрение, сосуществующее параллельно с официальным исламом. Странники этого течения считают возможным через особую практику непосредственное духовное общение человека с божеством. «Конечная цель мистического пути — озарение, постижение единства с божественной сущностью» [Суфизм в контексте ..., 1989, с. 223]. Платоновско-суфийские аллюзии задействованы в тексте романа как для характеристики преображенной сущности героя, так и для создания контраста его мира с окружающим обществом, погрязшим в низменных делах.

«Своего человека Мердок пытается, в противовес Сартру, “облагородить” любовью, хотя, как и французский писатель, склоняется к мысли о невозможности настоящей любви вообще» [Никифорова, 2009, с. 51]. Для передачи полноты чувства героя Мёрдок обращается к образу знаменитого андрогина Платона, круглому существу, состоящему из двух половинок — мужчины и женщины. Пирсон, найдя свою любовь — половинку, ощущает себя андрогином. Андрогинная сущность любви интерпретируется английской писательницей близко к трактовке Ф. М. Достоевского в духе русского исихазма: «Личность связана с любовью, направленной на соединение со своим другим. Когда стихия любви замыкается в “Я”, оно порождает разврат и губит личность ... И страсть, и желание должны быть просветлены увидением образа, лика своего другого в Боге, слиянием в Боге со своим другим» [Бердяев, 1989, с. 109].

В тексте романа Мёрдок звучит суфийская идея «Я есть бог». В состоянии любви человек находит единение с богом и становится с ним единым «я». При этом в суфийских трактатах и поэзии атрибутика Бога раскрывалась в образах Возлюбленного, Возлюбленной, Любимого, Друга. Пирсон говорит о себе: *Я превратился в бога ... До боли, ощущал свое тело, я чувствовал себя совершенно обновленным, изменившимся и, в сущности, бестелесным* [Мёрдок, 2019б, с. 244]. Любовь сделала его благородным и возвышенным: *Я очистился от гнева, от ненависти, очистился от всех низменных забот и страхов, составляющих наше грешное «я»*

[Там же, с. 287]. Небесный свет озаряет Возлюбленную Пирсона: *Каждый поворот головы, каждое изменение голоса, смех, стон или кашель, подергивание носом — все бесценно и исполнено смысла, как мгновенное райское видение* [Там же, с. 244].

Центральным для суфийского прочтения судьбы главного героя романа является эпизод в театре. Сидя в темноте театрального зала, Пирсон и Джулиан видят на сцене хоровод птиц. Пирсон словно переносится в иную реальность: *Я не слушал музыки, я отдался ей, и моя тоска лилась из глаз и увлажняла жилет, а мы с Джулиан летели теперь свободно, взмахивая крыльями, как два сокола, два ангела, слившиеся воедино, в темной пустоте, прошиваемой вспышками огня* [Там же, с. 305]. Герой персонифицирует себя с птицами, при этом счастье и одновременно тяжелые предчувствия мучают его: *Я был на арене, окруженный тысячей кивающих, гримасничающих лиц, я был приговорен к смерти через звуки. Меня убьют птичьим щебетом и похоронят в бархатной яме. Меня позолотят, а потом сдерут с меня кожу* [Там же, с. 303—304].

В этой сцене Мёрдок в точности воспроизводит особенности суфийского мистического Пути к Истине в произведении «Мантик ат-тайр» («Беседа птиц») суфийского поэта Ф. Атгара (1145—1230). Этот трактат — один из самых известных в европейском востоковедении. По сюжету тридцать птиц пересекают семь долин в поисках Симурга — символа Всеединого. «Это “странствие” понимается как движение к Истине, к пониманию соотношения мир — Бог (птицы — Симург), познанию истинного устройства мироздания» [Федорова, 2015, с. 92]. Сокол в «Мантик ат-тайр» трактуется как аллегория души человека, искаженной и «окровавленной» в земном пребывании и вернувшейся к Другу — Симургу.

Суфии считали, что между душой человека и Истиной существуют семьдесят тысяч завес света и тьмы. Семь долин необходимы для очищения души, чтобы сбросить эти завесы. Атгар приводит описания долин в определенной последовательности: долина *искания*, долина *любви*, у которой нет предела, долина [обретения] *знания*, долина *ненуждаемости*, долина чистого *единства*, долина *растерянности*, долина *нищеты и гибели*, после которой путешествие будет окончено [Атгар, 2009, с. 197].

Именно эти мистические стадии путешествия птиц, их символическая семантика позволила А. Мёрдок сконструировать жизненную модель главного героя романа «Черный принц», выявить неочевидные смыслы, принципиальные для интерпретации текста. Пирсон проживает стадии своей жизни в полном соответствии с «долинами» Атгара: искание, любовь, обретение посредством любви истинного знания о смысле жизни,

ненуждаемости, полного единения с Возлюбленной, мучительной растерянности, гибели. Роман заканчивается трагически. «Черный лебедь» накрывает Пирсона. Невинный, он погибает в тюрьме.

Мёрдок репрезентирует суфийскую идею Аттара о мире как тени Друга и таким образом трактует искусство в целом. В «Мантик ат-тайр» Аттар пишет:

Искусство обязано сиянию того пера своим бытием,

И вся красота мира — лишь отражение того сияния [Там же, с. 41].

В финале романа «Черный принц» Джулиан размышляет: *Pearson was wrong to identify his Eros with the source of art. Even though he says one is a “mere” shadow of the other* [Murdoch, 1973, с. 354] (Пирсон был неправ, отождествляя Эроса с источником искусства. Хотя и добавляет, что искусство является “всего лишь” тенью другого [Мердок, 2019б, с. 17]).

4. Заключение

Мёрдок мечтала о возвращении морального первоначала философии. «Мы смирились с либеральным истолкованием личности, ибо оно якобы побуждает человека к самоосвобождению. Однако раскрепощение стало возможным лишь ценою утраты этических первооснов» [Там же, с. 168]. Эту утрату этических основ общества писательница преодолевает, приобщая читателей к восточной мудрости. В поисках моральной философии Мёрдок обратилась к восточным философским системам с целью придать интенциональный смысл своим идеям и героям. Синтезируя опыт философских систем дзен-буддизма и суфизма, Запада и Востока, сопоставляя их ответы на «вечные вопросы», она ищет истины, актуальные для всего человечества. Дискурсная архитектура романа, разнообразные оценки поведения героя создают эффект многомерности бытия, многозначности и непостижимости в какой-то одной интерпретации поступков человека, как и любого явления в мире. Суфийское стремление раскрыть в человеке частицу высшей духовности близко Мёрдок как писателю. Среди будничной серости и однообразия дней, потерянных планов и несовершенных открытий в герое романа Пирсоне заявляет о себе тоска по абсолютному бытию. Включая в контекст романа «Черный принц» идеи трактата Аттара «Мантик ат-тайр», Мёрдок изображает любовь Пирсона как своеобразную возможность выйти за пределы «я» человека. Суфийская и дзен-буддийская концепции любви как пробуждения и движения к идеальному началу раскрывают глубину преображения главного героя, обретения самого себя, восприятия и переживания мира как великой гармонии.

Источники

1. *Мёрдок А.* Литература и философия. Разговор Айрис Мердок с Брайаном Маги / А. Мёрдок ; перевод Д. Березко // Иностранная литература. — 2019а. — № 5. — С. 250—274.
2. *Мёрдок А.* Суверенность блага / А. Мёрдок ; перевод с англ. Е. Востриковой и Ю. Кульгавчук / Логос. — 2008. — № 1. — С. 117—137.
3. *Мёрдок А.* Черный принц / А. Меердок ; перевод с английского Инны Бернштейн, Анастасии Поливановой. — Москва : Иностранка : Азбука-Аттикус, 2019б. — 475 с.
4. *Murdoch I.* The Black Prince / I. Murdoch. — New Jork : Viking press, 1973. — XVIII, 366 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аттар Ф.* Логика птиц / Ф. Аттар ; перевод с перс. Мостафа Борзуи. — Москва : Номос, 2009. — 312 с.
2. *Бердяев Н. И.* Мирозерцание Достоевского / Н. И. Бердяев // Эрос и личность. Философия пола и любви. — Москва : Изд-во Прометей, МГПИ, 1989. — 159 с.
3. *Конрад Н. И.* Очерк истории культуры средневековой Японии / Н. И. Конрад. — Москва : Искусство, 1980. — 145 с.
4. *Зелезинская Н.* Романы Айрис Мёрдок. Уроки шекспировского жанра / Н. Зелезинская // Вопросы литературы. — 2013. — Ноябрь—декабрь. — С. 264—273.
5. *Никифорова А. Н.* Поэтика романов Айрис Мердок 1950-х годов / А. Н. Никифорова. — Уфа : Уфимский гос. авиационный технический ун-т, 2009. — 157 с.
6. *Суфизм в контексте мусульманской культуры : сборник статей / Академия наук СССР, Институт востоковедения ; отв. ред. и авт. введ. Н. И. Пригарина.* — Москва : Наука, 1989. — 337 с.
7. *Талеб Н. Н.* Черный лебедь : под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб ; перевод с англ. В. Сонькин и др. — Москва : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2018. — 734 с.
8. *Тимонина Т. Ю.* Диалог двух нарративов в романах А. Мердок конца 1960-х — 1970-х годов / Т. Ю. Тимонина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота. — 2016. — № 9 (63) : в 3-х ч., Ч. 2. — С. 44—46.
9. *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе / Дж. С. Тримингэм ; перевод с англ. О. Ф. Акимушкина. — Москва : София : ИД “Гелиос”, 2002. — 477 с.
10. *Фромм Э.* Психоанализ и религия. Дзен-буддизм и психоанализ / Э. Фромм ; перевод с английского Д. Кралечкина, А. В. Александровой. — Москва : АСТ, 2018. — 223 с.
11. *Человек и мир в японской культуре : сборник статей / АН СССР, Ин-т востоковедения ; отв. ред. Т. П. Григорьева.* — Москва : Наука, 1985. — 281 с.
12. *Федорова Ю. Е.* Ибн Сина и Фарид ад-Дин ‘Аттар : две версии легенды о странствии души-птицы к Богу / Ю. Е. Федорова // Litera. — 2015. — № 3. — С. 62—90.
13. *Conradi P. J.* Iris Murdoch : the saint and the artist / Peter J. Conradi. — New York : St.Martin’s press, 1986. — XVI, 304 p.
14. *Johnson D.* Iris Murdoch. Lectures in English University of Bristol / D. Johnson. — Brighton (Sussex) : Harvester press, 1987. — XVII, 129 p.
15. *Milligan T.* Suffering and Contentment / T. Milligan // Iris Murdoch and the moral imagination : essays / ed. by M. F. Simone Roberts, A. Scott-Baumann. — Jefferson, N.C. ; London : McFarland, 2010. — Pp. 168—198.

ORIENTAL PHILOSOPHICAL SYSTEMS AND WORK OF IRIS MURDOCH (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL “THE BLACK PRINCE”)

© **Rano M. Safiulina (2020)**, orcid.org/0000-0003-3128-6999, SPIN 8208-6471, PhD in Philology, associate professor; Department of Russian Language and Literature, Non-state private educational institution of higher professional education “Moscow University for Industry and Finance “Synergy” (Moscow, Russia), ranovi@mail.ru.

The subject of study is the originality of the artistic vision of A. Murdoch, which involves in the plot of literary text, the collision and interweaving of various philosophical systems (existentialism, Marxism, Freudianism, neo-Catholicism, pragmatism). The main attention is paid to incorporating Eastern philosophical systems (Zen Buddhism, Sufism) into the work of the writer. The example of the novel “The Black Prince” by A. Murdoch shows the complex interweaving of the life history of the heroes of the work with the philosophical reflections of the author about the laws of the universe, world live order, God, man. The definitions of Zen Buddhism, Sufism, the Sufi Path, as well as the classification of “parking on the Path to the Almighty” are given. The results of a comparative analysis of the novel by A. Murdoch “The Black Prince” and the treatise “Mantiq-ut-tayr” by Sufi author F. Attar are presented. It is proved that Zen Buddhism and Sufism are implanted in the text of the Black Prince novel to create the effect of polyphony of opinions, voices as multidimensionality of being, ambiguity and insufficiency of one interpretation of human actions, as well as any phenomenon in being. An assumption is made about the proximity of the novel “The Black Prince” by A. Murdoch with the theory of Nassim Taleb’s “Black Swan”.

Key words: A. Murdoch; “Black Prince”; platonism; Zen Buddhism Sufism; Attar; Mantiq-ut-tayr; theory of the “Black Swan”.

MATERIAL RESOURCES

Murdoch, I. (1973). *The Black Prince*. New Jork: Viking press.

Murdoch, I. (2008). Suverennost’ blaga. *Logos, 1*: 117—137. (In Russ.).

Murdoch, I. (2019a). Literatura i filozofiya. Razgovor Ayris Merdok s Brayanom Magi. *Inostrannaya literature, 5*: 250—274. (In Russ.).

Murdoch, I. (2019b). *Chernyy prints*. Moskva: Inostranka: Azbuka-Attikus. (In Russ.).

REFERENCES

Attar, F. (2009). *Logika ptits*. Moskva: Nomos. (In Russ.).

Berdyayev, N. I. (1989). Mirosozertsaniye Dostoyevskogo. In: *Eros i lichnost’*. *Filosofiya pola i lyubvi*. Moskva: Izd-vo Prometey, MGPI. (In Russ.).

Conradi, P. J. *Iris Murdoch: the saint and the artist*. New York: St.Martin’s press, 1986.

Fedorova, Yu. E. (2015). Ibn Sina i Farid ad-Din ‘Attar: dve versii legendy o stranstvii dushi-ptitsy k Bogu. *Litera, 3*: 62—90. (In Russ.).

Fromm, E. (2018). *Psikhoanaliz i religiya. Dzen-buddizm i psikhoanaliz*. Moskva: AST. (In Russ.).

Grigoryeva, T. P. (ed.) (1985). *Chelovek i mir v yaponskoy kulture: sbornik statey*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

- Johnson, D. (1987). *Iris Murdoch. Lectures in English University of Bristol*. Brighton (Sussex): Harvester press.
- Konrad, N. I. (1980). *Ocherk istorii kultury srednevekovoy Yaponii*. Moskva: Iskusstvo. (In Russ.).
- Milligan, T. (2010). Suffering and Contentment. In: Simone Roberts, M. F., Scott-Baumann A. (ed.) *Iris Murdoch and the moral imagination: essays*. Jefferson, N.C.; London: McFarland. 168—198.
- Nikiforova, A. N. (2009). *Poetika romanov Ayris Merdok 1950-kh godov*. Ufa: Ufimskiy gos. aviatsionnyy tekhnicheskiiy un-t. (In Russ.).
- Prigarina, N. I. (ed.) (1989). *Sufizm v kontekste musulmanskoj kultury: sbornik statej*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Taleb, N. N. (2018). *Chernyy lebed': pod znakom nepredskazuemosti*. Moskva: KoLibri; Azbuka-Attikus. (In Russ.).
- Timonina, T. Yu. (2016). Dialog dvukh narrativov v romanakh A. Merdok kontsa 1960-kh — 1970-kh godov. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9 (63) / 2: 44—46. (In Russ.).
- Trimingem, Dzh. S. (2002). *Sufijskiye ordeny v islame*. Moskva: Sofiya: ID “Gelios”. (In Russ.).
- Zelezinskaya, N. (2013). Romany Ayris Merdok. Uroki shekspirovskogo zhanra. *Voprosy literatury, Noyabr—dekabr'*: 264—273. (In Russ.).